

НАРОДНЫЯ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ *).

Въ народной поэзіи встрѣчаемся съ двумя родами пѣсенъ: однѣ возбуждаютъ человѣка, — это пѣсни бурныя, разгульныя, удалыя (напр. разбойничьи, плясовые); другія — тихія, монотонныя; онѣ, напротивъ, успокаиваютъ, убаюкиваютъ даже взрослого человѣка. Это не что иное какъ отраженіе двухъ характерныхъ сторонъ музыки, издавна у всѣхъ культурныхъ народовъ различавшихся.

Мать своимъ врожденнымъ чутьемъ поняла, что для ребенка нужны именно пѣсни второго рода — умиротворяющія, свѣтлыя и монотонныя. Такъ создалась форма для колыбельной пѣсни. Тѣ же материнскія чувства подсказали, каково должно быть содержаніе колыбельныхъ пѣсенъ: здѣсь отражается все, что есть въ душѣ матери лучшаго, возвышеннаго.

*) *Источники и пособія*: 1) Шейнъ. Матерьялы для изученія быта и языка сѣверо-западнаго края, т. 1-й. 2) Шейнъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни. 3) Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ, вып. 1—2. 4) Головацкій. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, томы II и III. 5) Чубинскій. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Юго-западный край, т. IV-й. 6) Гомельскія народныя пѣсни, записанныя Зинаидой Радченко. (Записки Импер. Русск. Географ. Общества т. XIII, вып. 2-й 1888 г.). 7) Пѣсни Буковинск. народа, собр. Лоначевскимъ. (Записки юго-запад. отдѣла Импер. Русск. Географ. Общества за 1874 г., т. 2-й). 8) Шейнъ. Русскія пѣсни, т. 1-й. 9) Н. Левицкій. Народныя колыбельныя пѣсни. (Харьковскій Сборникъ, вып. 2-й, 1888 г.). 10) Де-Волланъ. Угро-русскія народныя пѣсни. 11) Жуковскій. Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочевого населенія Персіи. (Журналъ Мин. Народ. Просв. за 1889 г. кн. 1-я). 12) Колыбельныя пѣсни, помѣщенные въ журналъ „Wisła“ за 1890 г. т. IV, вып. 1-й. 13) Kolberg. Rokucie. 14) Хрущовъ. О „Матерьялахъ для этнографіи уличной жизни дѣтей“, собранныхъ въ городѣ Лаишевѣ К. С. Рябинскимъ. (Извѣстія Импер. Русск. Географ. Общества, т. XXI, 1885 г., вып. 6-й). 15) Ивановъ. Игры крест. дѣтей въ Купянск. уѣздѣ, 1890 г.

Словомъ, въ колыбельной пѣснѣ мы получаемъ какъ бы отображеніе женской, материнской души. Этимъ, вѣроятно, и объясняется живучесть колыбельныхъ пѣсенъ и какая-то невыразимая симпатія къ нимъ людей взрослыхъ, не говоря уже о дѣтяхъ. „Въ то время, говоритъ г. Жуковскій, какъ другія пѣсни (свадебныя, подблюдныя и т. п.) вслѣдствіе многихъ причинъ остались дорогимъ достояніемъ лишь извѣстнаго, простого класса населенія и изгнаны изъ другихъ, — колыбельная пѣсня звучитъ еще всюду“ (Ж. М. Н. П., стр. 93).

Каждое слово колыбельной пѣсни запечатлѣно правдивостью и искренностью: здѣсь матери нечего и не передъ кѣмъ скрываться: она вѣщаетъ намъ и свои горести и свои радости. Оттого кругъ предметовъ и понятій, захватываемыхъ колыбельной пѣснею, весьма широкъ: все, что входитъ, такъ сказать, въ составъ души человѣческой, здѣсь отражается съ большей или меньшей степенью яркости.

Является вопросъ, какимъ образомъ отъ такого спеціальнаго назначенія — усыпить ребенка — колыбельная пѣсня переходитъ къ изображенію цѣлой картины человѣческой души? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ отчасти въ бытовыхъ условіяхъ, налагающихъ на человѣка довольно замѣтную печать, отчасти же и въ извѣстныхъ свойствахъ человѣческой души, въ которой одни настроенія связываются съ другими, составляя такимъ образомъ неразрывную связь въ психическихъ процессахъ.

Въ семьѣ простолюдина положеніе женщины не особенно завидное. Постоянно обременена она трудомъ, угнетаема нуждою, верѣдко попреками и бранью мужа. Подливаютъ въ этотъ огонь масла свекровь и золовки. Все это, конечно, озлобляетъ и раздражаетъ женщину; но до поры до времени таитъ она свои чувства, ища удобной минуты, когда ей можно будетъ излить наболѣвшее сердце и помечтать о лучшемъ будущемъ.

Вотъ сидитъ мать надъ колыбелью своего дѣтища, источника ея надеждъ и упованій. Сначала, будучи занята все еще хозяйственными хлопотами, она думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе усыпить ребенка, прервавшаго ея работу. И она въ задумчивости затягиваетъ какой-нибудь мотивъ пѣсни. Мало-по-малу мысли ея обращаются къ ребенку. Конечно,

первымъ долгомъ ея при такомъ оборотѣ мыслей является необходимость познакомить ребенка съ окружающимъ его міркомъ. Являются на сцену сначала одушевленные предметы, какъ напр. „киця“, „гули“ и т. п., а затѣмъ и неодушевленные, какъ: колыбель. Эти пѣсни составляютъ какъ бы первый „періодъ“ въ колыбельныхъ пѣсняхъ. Здѣсь личныя чувства матери почти незамѣтны.

Отдаваясь все сильнѣе и сильнѣе своимъ мыслямъ, мать обдумываетъ и будущую судьбу малютки во всѣхъ періодахъ его жизни. Мысль все еще вертится около ребенка, но въ составъ пѣсни уже входятъ въ болѣе или менѣе значительной дозѣ чувства и побужденія матери. Это дальнѣйшая ступень къ расширенію матерьяла колыбельныхъ пѣсень.

Уносясь все далѣе и далѣе волною своихъ мыслей, мать забываетъ о своихъ воспитательныхъ задачахъ и даже о дорогомъ ея сердцу малюткѣ: она входитъ въ область своихъ воспоминаній и раскрываетъ передъ нами свое міросозерцаніе и свои духовныя сокровища. Это заключительный періодъ въ колыбельной пѣснѣ, періодъ не въ смыслѣ опредѣленнаго срока времени, а въ смыслѣ порядка смѣняющихся душевныхъ настроеній.

I.

Мотивы, посвященные исключительно ребенку.

Глядя на проснувшагося ребенка, заботливая мать примѣчаетъ, что малютка вопросительно уставляетъ глаза поочередно на каждый изъ окружающихъ предметовъ. Мать спѣшитъ удовлетворить этимъ нѣмымъ запросамъ ребенка: она описываетъ предметы и существа, которые наиболѣе часто видитъ ребенокъ. Начинается описаніе съ предметовъ одушевленныхъ, затѣмъ переходитъ къ неодушевленнымъ предметамъ и даже отвлеченнымъ понятіямъ.

1. *Міръ животныхъ.*

а) Котъ. Самое видное мѣсто въ пѣсняхъ разсматриваемаго типа занимаютъ пѣсни о котѣ. Котъ—непремѣнный обыватель даже самой бѣдной избы, а значитъ и первый объектъ

наблюденій ребенка; это первый помощникъ матери при баюканіи ребенка; это неустанный балагуръ, котораго поэтъ нашъ изобразилъ такъ:

„Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказки говоритъ“.

Благодаря всѣмъ этимъ достоинствамъ, котъ занялъ весьма почетное мѣсто въ колыбельныхъ пѣсняхъ.

Довольно значительное количество пѣсенъ этого мотива можно разбить на двѣ категоріи: въ однихъ описывается наружность кота, его привычки и ухватки; въ другихъ — обращеніемъ къ коту прикрывается мораль.

Пѣсни первой категоріи, воспѣвая кота, рисуютъ обыкновенно вмѣстѣ съ ними и домашній бытъ народа.

„Баю, баю, дитя колышу!

„Красныя пани, спѣвайте „кота“:

„Нехай коту усе лихо, —

„Ты, Иване, спи тихо!

„Не ходи, котъ, по хати,

„Не буди мойго дияти;

„Не ходи, котъ, по скринѣ,

„Буду бить по спияѣ;

„Не ходи, котъ, по печи,

„Буду бить у плечи;

„Не ходи по лавци,

„Буду бить по лапци;

„Не ходи, котъ, по полицѣ,

„Буду бить по потылицѣ;

„Не ходи, котъ, по (по)мосту,

„Буду бить по хвосту;

„Не лѣзь, котокъ, на колодку,

„Разобьешь головку:

„Буде головка болѣть,

„И не кому буде жалѣть.

„Нехай коту усе лихо,

„Ты, Иване, спи тихо!

(Шейнъ. Мат. № 21. Ср. Гом. п., 1).

Пѣсенка весьма не затѣйливая по сюжету: мать видитъ, что ребенокъ слѣдитъ за движеніями кота по избѣ, и передаетъ ихъ ребенку словами; при этомъ очень кстати вплетается обстановка избы.

Есть пѣсни и прямо описывающія кота безъ бытовой подкладки:

Котикъ сѣренькій,

Хвостикъ бѣленькій,

Онъ по улицѣ ходилъ,

Ночевать къ намъ приходилъ.

„Пусти меня ночевать,

Я стану всю ночь качать“

(Шейнъ. Р. п., 11-я).

Здѣсь мать какъ бы отвѣчаетъ на безмолвный вопросъ ребенка: откуда въ избѣ котъ появился? И отвѣчаетъ въ простой, но не лишенной изящества формѣ. Въ другихъ пѣсняхъ идимъ дальнѣйшую характеристику кота:

Ай ты, котинька, катокъ,
Кудреватенькій лобокъ!
Ай повадилса катокъ
По боярскій творогъ.

Хотятъ кота изловить,
Ему ножки перебить.
(Шейнъ. Р. п., 12-я).

Описывается наружность кота и одна изъ характернѣйшихъ его чертъ—наклонность къ воровству. Но морали, столь обычной въ такихъ случаяхъ, здѣсь нѣтъ. Къ подобнымъ же пѣснямъ можно отнести и слѣдующую:

Коте сірый, коте білий, *)
Коте волохатый,
Да (не) ходи до хати
Дитинойки колахати;
Дамо тобі папи
Да у твоі лапи;

Дамо тобі сала,
Щобъ дитина спала.
Будемъ бити по лапкахъ
Щобъ не ходивъ по лавкахъ,
Щобъ не скидавъ кружечківъ,
Щобъ не з'їдавъ вершечківъ
(Чуб. т. IV, 18-я).

Въ этой пѣсенкѣ нарисована наружность кота, его дурныя качества и одно изъ наиболѣе видныхъ въ котѣ достоинствъ: его умѣніе убаюкивать ребенка. Есть и еще нѣсколько пѣсенъ, посвященныхъ этому качеству кота:

А-а, котино!
Засни, мила дитино!
Ой на кота воркота,
На дитину дрімота.

Ой из кота усе лихо,
Ти, дитино, спи тихо!
Ой кітъ буде воркотати,
Дитиночка буде спати.

(Чуб., 21-я).

A-a, kotki dwa,
Szare, bure obydwa.

Nic nie będą robiły,
Tylko Kasię bawiły.

(Wisła. 20-я).

Котъ вообще представляется заботящимся о дѣтяхъ, ихъ другомъ:

Ходить катокъ по дворку,
Избірае соломку,

Все дитині въ головки...
Ой, ну люлі, люлі...

(Чуб., 22-я).

Котъ готовъ даже пожертвовать своей шубой, чтобы согрѣть ребенка:

Шшовъ катокъ на торжокъ,
Купивъ собі козушокъ;
Треба зъ кота зняти

Та дитинці дати,
Щобъ тепленько спати.

(Чуб., 30-я).

Въ приведенныхъ до сихъ поръ пѣсняхъ котъ очерченъ со стороны наружности и характерныхъ свойствъ, безъ при-

*) Въ малорусскихъ пѣсняхъ я сохраняю правоисаніе авторовъ, которыми пользовался. Въ бѣлорусскихъ не отмѣчено только неслоговое *у*, по недостатку этого знака. *Ает*.

мѣси какихъ-либо другихъ элементовъ. Въ другихъ пѣсняхъ внесены элементы бытовой и моральной, довольно тѣсно связанные между собою. Бытовые пѣсни составляютъ какъ-бы переходную ступень къ собственно нравоучительнымъ: сначала въ лицѣ kota изображаются домашніе, а затѣмъ обращеніе къ коту является чѣмъ-то вродѣ запѣва, содержаніемъ же пѣсни является извѣстная мораль.

Пошоу вотокъ на торжокъ,	У доброй выгодѣ:
Купіу сабѣ пиражокъ	И табачки занюхау
И табачный рожокъ	И добрыхъ людей послухау *).
И сѣу на колодѣ,	(Шейнъ. Мат., стр. 31-я).

Въ этихъ немногихъ строкахъ мѣтко нарисована характеристика бѣлорусса. Не менѣе интересна и слѣдующая пѣсня:

Котинька, котокъ,	А другой, голубой
Котя, сѣренькій хвостокъ,	Въ ручки подарю.
Приди, котикъ, ночевать,	А еще тебѣ коту
Мово Лешиньку качать,	За работу заплачу:
Прибаюкивать!	Въ Великій постъ—
Я тебѣ коту	Рѣльки хвостъ,
За работу заплачу:	Склянку вина
Бѣленькій платочекъ	И конецъ пирога.
На шею навязу,	(Шейнъ. Р. п., 10-я).

Котъ въ награду получаетъ такой же подарокъ, какъ и паренѣ: платокъ на шею. Интересно въ этой пѣснѣ и описаніе поста.

Слѣдующая пѣсенка въ лицѣ kota затрогиваетъ одинъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ въ жизни крестьянки:

У котика, у kota	Оборачивала.
Была мачиха лиха.	—Дайте коту папы
Она била kota,	На заднія лапы
Приговаривала,	Ѣшь, котикъ, не кроши,
На всѣ стороны	Больше папы не проси.

(Шейнъ. Р. п., прилож. къ 12-й п. Ср. Гом. п., 9-я).

Здѣсь изображена горькая участь ребенка подъ грозной державой мачехи. Особенно трогательно сочувствіе къ постра-

*) Сюда относится еще одна интересная пѣсенка:

Пошоу котокъ у лясокъ, нашоу котокъ поясокъ,
 А кошечка огняла и дзицяци отдала.
 Пошоу котокъ на торжокъ, знашоу котокъ пирожокъ:
 Чи самому ѣсци, ци дзицац несци?
 И самъ трошку укусіу и дзицяци прывясіу (Ш. Б. п., 35-я).

давшему коту. Въ этой пѣснѣ мы уже встрѣчаемся съ весьма важнымъ практическимъ наставленіемъ—о необходимости беречь каждую крошку хлѣба. Наставленіе это довольно часто присоединяется къ пѣснямъ (ср. Шейнъ Р. п., 11-я), что указываетъ на его великое значеніе. Не даромъ народъ постоянно къ слову „хлѣбъ“ прибавляетъ эпитетъ „святой“. Въ народной поэзіи и вообще въ народномъ творчествѣ хлѣбъ играетъ весьма важную роль. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ хлѣбъ—необходимая принадлежность (*). Въ пословицахъ ему отведено почетное мѣсто („хлѣбъ святой усеу голова“, Номисъ, Украинск. приказ. и присл., 10131). Такой взглядъ на хлѣбъ выработался подъ вліяніемъ условій жизни и религіознаго міросозерцанія. Все благосостояніе крестьянина зависитъ отъ урожая, который въ рукахъ Божиихъ. Небрежное обращеніе съ дарами Божиими можетъ навлечь на святотатца небесную кару. Въ голодные, неурожайные годы дѣйствительно всякая корка, крошка хлѣба дорога. По всему этому судя, мы не должны находить страннымъ, что мать, при всякомъ удобномъ случаѣ, даже грудному ребенку говоритъ о необходимости беречь каждую крошку хлѣба.

Религіозность женщины проявляется и въ другихъ пѣсняхъ довольно часто. Еще съ колыбели мать старается внушить ребенку мысль о необходимости для всякаго человѣка молитвы:

А, котокъ нашъ!

Ти выѣ-шь „Отце вашъ“?

Я вмѣю лучше васъ:

Я у попа ночевавъ

И „Отце нашъ“ переймавъ.

(Шейнъ. Мат., стр. 31-я).

Такихъ пѣсень довольно много, но онѣ почти буквально сходны съ только что приведенной (Ср. Х. Сб. 4-я, Гом. п. 5-я и др.). Чубинскій приводитъ два варианта этой пѣсни, рѣшительно не сходныхъ по духу. На нихъ придется остановиться нѣсколько долѣе. Приведу сначала вариантъ очень близкій къ вышеприведеннымъ:

(*) Подробно объ этомъ вопросѣ см. въ „Свадебныхъ обрядахъ, преимущ. русскихъ“ Н. Ф. Сумцова, стр. 124 — 147, и отдѣльное изслѣдованіе его-же „Обрядовое употребленіе хлѣба“.

Ой ну, люді,
Коте нашъ!
Чи ти вмієшъ
«Отче нашъ»?
—Ой я вмію

Лучче'дъ васъ:
Ой я въ школі
Родився,
И „Отче нашу“
Навчився.

(Чуб., 24-я, вар. В.).

Другой варіантъ представляет собою какое-то странное иронизированіе надъ религіей и пародированіе молитвы:

Ой ну, люді,
Коте нашъ!
Чи ти вмієшъ
«Отче нашъ»?
—Отче нашъ,
Батько нашъ

Кури кравъ,
У міхъ клавъ;
А кури сокочуть,
У міхъ не хочуть...
А батька поймали
За кури звязали.

(Чуб., 24-я, вар. А.).

Я усматриваю въ этомъ варіантѣ сращеніе двухъ совершенно различныхъ пѣсенъ: первые 4 строки относятся къ одному разряду съ вышеприведенными, остальная часть пѣсни самостоятельна. Къ этой мысли меня приводятъ слѣдующія соображенія: во-первыхъ, колыбельной пѣснѣ рѣшительно несвойственно пародировать слова молитвы; во-вторыхъ, бѣлорусскій варіантъ прямо и начинается съ 5-й строки варіанта, приводимаго Чубинскимъ:

Отче нашъ,
Батько нашъ

Курей кравъ,
Подъ печь ховавъ и т. д.

(Ром., Б. сб., п. 28-я).

А въ такомъ случаѣ этотъ варіантъ получаетъ совсѣмъ иное значеніе: это юмористическая картинка, изображающая попавшагося вора. Впослѣдствіи эта пѣсня могла быть занесена и въ колыбельныя, чему быть можетъ помогло смѣшеніе словъ „Отче“ и „батько“.

Переходя къ описанію дурныхъ качествъ кота, мать пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлать надлежащее наставленіе:

Ой бувъ собі коточокъ,
Укравъ собі клубочокъ,
Та сховався у куточокъ,

Щобъ люде не знали,
Кота не лаяли.

(Чуб., 38-я).

Уже здѣсь воровство карается, хотя и легкою карою; въ другихъ пѣсняхъ наказанія за это преступленіе бываютъ построже:

Бици кота, бици,
На что покрау ници,

Зъ хаты выгнаци
И ѣспи не даци.

(Шейнъ. Б. п., 38-я).

А-а, коточокъ!
Укравъ у баби клубочокъ,
Да понісь до Галі,
Положивъ на лаві.

Стала Галя кота бить:
Не вчись, коте, красти,
Да учися робити.

(Чуб., 17-я, вар. В.).

Въ крестьянской средѣ воровство — одинъ изъ позорнѣйшихъ пороковъ, наиболѣе строго караемый. Отношенія крестьянъ между собою до послѣдняго времени основывались, да и теперь большею частью основываются на взаимномъ довѣріи и честности. „Отъ своего вора не убережешься“ говоритъ нашъ народъ. Потому въ деревняхъ рѣдко прибѣгаютъ къ запорамъ: единственная охрана всего имущества — Богъ и довѣріе къ ближнему. Вотъ такую-то честность и уваженіе къ чужой собственности и всасываетъ ребенокъ вмѣстѣ съ молокомъ матери.

Лѣность — одинъ изъ наиболѣе торныхъ путей, ведущихъ къ воровству. Хорошо зная это, мать старается съ самаго юнаго возраста поселить въ ребенкѣ презрѣніе къ лѣности и уваженіе къ труду:

Бити, кидю, бити,
Ней йде молотити,

Лапками згортати,
Хвостикомъ зметати.

(Чуб., 17-я, вар. А).

Въ противоположность такому коту-лѣнтяю выставляется котъ работящій:

А мій кітъ,
Узявъ ціпъ,
Шшовъ молотити,
Намолотивъ гречки
Коробочку й нечки,

Лапками згортає,
Хвостикомъ зметає,
А вусами віє,
А нискомъ зберає,
А вухами вчиняє.

(Чуб., 17-я вар. В.).

Такъ мало-помалу съ дѣтства ребенокъ познаетъ основы нравственности.

Иногда мать, обращаясь какъ-бы къ коту, даетъ практическія наставленія подрастающей дѣтворѣ, то заставляя ее помогать по мѣрѣ силъ, то предостерегая отъ опасныхъ шалостей:

Ой (ну) люли, люли,
Ой котику сирый
Та вымети сини,

А ты, кишко вымый ложки—
Погуляєшь трошки.

(Харьк. Сб., 6-я).

Иногда въ подобныхъ наставленіяхъ обнаруживается замѣчательный педагогическій тактъ матери:

А-а, котку,	То буде болѣти,
Не лізь на колодку,	Нічимъ завертіти.
Бо забѣшъ головку	(Чуб. 25-я, вар. А.).

По всей вѣроятности здѣсь нужно представить себѣ такую картину: мать сидитъ за колыбелью и качаетъ ребенка; подростающія ребятишки затѣваютъ какую-нибудь опасную шалость; мать, желая отвлечь ихъ вниманіе отъ затѣянной шалости, на мотивъ колыбельной затягиваетъ только что приведенную пѣсенку; дѣти, вслушиваясь въ пѣсню, видятъ дурныя послѣдствія своего предпріятія и одинъ за другимъ останавливаютъ затѣю. Того же характера и слѣдующая пѣсня:

Ой пойдѣ-жъ ты, кицю,	Витягъ кицю за ухо,
Ой пойдѣ-жъ ты по водицю,	Да положивъ на сухо:
Не впади въ криницю.	„Лежи-жъ, кицю, тута,
Пошла киця по водицю	„А я знайду прута.“
Тай упала у криницю.	— Ище прута не знайшовъ,
Нішовъ котикъ доставати,	А вже кици не найшовъ,
Уже-жъ кици не видати;	Ой ну люли, люли!
(Чуб. 26-я. Ср. X. Сб. 1-я).	

Подъ этой легкой, юмористической формой скрывается значительная доля серьезной мысли, серьезнаго наставленія.

Итакъ, въ пѣсняхъ о котѣ мы отмѣтили двѣ большія группы: въ одной находится характеристика кота, какъ пріятеля дѣтей, потѣшающаго ихъ своимъ мурлыканьемъ, своею игривостью, какъ плута и воришки, причиняющаго своею шkodливостью много хлопотъ хозяйкамъ. Эти пѣсни обыкновенно рисуютъ и всю домашнюю обстановку. Въ пѣсняхъ второй группы бытовые черты переплетены съ нравственными наставленіями: въ лицѣ кота мать яркими красками рисуетъ послѣдствія дурныхъ шалостей и тѣмъ останавливаетъ шалуновъ, зароняетъ въ душу малытки первыя сѣмена нравственности, порицая дурные поступки и представляя во всемъ блескѣ добродѣтель.

б) Голуби въ колыбельной пѣснѣ занимаютъ не менѣ почетное мѣсто, чѣмъ котъ. Въ народной поэзіи голубь—символь всего нѣжнаго, дорогого, милаго человѣческому сердцу. Оттого отличительною чертою колыбельныхъ пѣсней этого мотива

является необыкновенная мягкость тона. Даже бѣлорусскія пѣсни, обыкновенно приправленные какимъ-нибудь грубымъ или циничнымъ словомъ, въ данномъ случаѣ отступаютъ отъ своего обычнаго пріема.

Люли, люли, люленьки,
Люли, люли, маценьку!
Приляцѣли гулиньки,
Стали яны говориць:

— Чимъ малютку нахормиць?
— Будзимъ кормиць пирожкомъ
— Будзимъ поиць молочкомъ.—
Люли, люли, маценьку!

(Шейнъ. В. п., 27-я).

Подобно тому какъ въ пѣсняхъ о котѣ мать старалась объяснить отношеніе кота къ дѣтямъ, такъ здѣсь она представляетъ голубей заботящимися о ребенкѣ *). Воркотаніе голубей, привлекающее, конечно, вниманіе ребенка, мать передаетъ, какъ разговоръ, предметомъ котораго является самъ малютка. Варіантомъ только что приведенной пѣсни можетъ служить слѣдующая:

Люли, люли, люленьки!
Приляцѣли гулиньки,
Сѣли-пали у люлиньки,
Стали думаць и гадаць:

Чимъ дзицяцю годоваць?
Дзицяценьку перутинькой,
А мамочку кашинькой,
А няничку папонькой (ib. 28).

Весьма близки къ приведеннымъ и двѣ слѣдующія пѣсни:

Ой ну, люли, люли!
Назинули гулі,
Посіли на люлі,
Стали думать и гадать,
Чимъ дитокъ годувать:
Чи кашою зъ молочкомъ,
Чи бубличкомъ та медкомъ,
Чи солодкимъ яблучкомъ.

(Чуб. 12-я вар. А.).

Ой люли, люли!
Прилетели гули
Тай силы на люлю.
А вы, гули, не гудить,
Та по хати не ходить,
(Платончика) не збудить.
У насъ хата тепленька
И дитина маленька—
Бона спати раденька.

(Х. Сб. 10-я Ср. Чуб. п. 12. В.).

Иногда голуби утѣшаютъ и убаюкиваютъ расплакавшагося малютку:

Люли, люли, люленьки!
Прилетѣли гулильки
На Володину люленьку,

Стали Володю утѣшать,
Спать укладывать.

(Шейнъ. Р. п., 2-я).

*) И здѣсь слово „маценьку“, вѣроятно, не что иное, какъ прямое обращеніе къ тому. У поляковъ и западно-русовъ Маце к ѣ (Маце й) — Матвей — кличка кота, какъ у великор. Васъ ка. Ниже (стр. 144) встрѣтится еще та-же кличка (Мац ѣ й ка) по отношенію къ козлу. Ред.

Итакъ, въ пѣсняхъ о голубяхъ мы можемъ отмѣтить лишь одну черту—ихъ нѣжную заботливость о дѣтяхъ. Да больше собственно и не на чемъ остановиться: какъ идеаль, какъ символъ всего возвышеннаго и прекраснаго, голуби не могутъ имѣть какихъ-либо пороковъ, а значить у матери нѣтъ основанія или, лучше сказать, повода дѣлать наставленія и нравоученія, какъ это мы видѣли въ пѣсняхъ о котѣ.

в) Куры у крестьянъ почти всю зиму живутъ въ избѣ, лѣтомъ же нерѣдко несутся и выводятъ цыплятъ въ избѣ, и такимъ образомъ онѣ постоянно на глазахъ у ребенка и у матери, распѣвающей колыбельную пѣсню. Главное вниманіе обращаетъ пѣсня на наружность, привычки и образъ жизни куръ:

Люли, люли, люли!
Приляцѣли куры,
Сѣли на вороцяхъ
У чирвоныхъ ботахъ.
Стали сыкотади,
А нечего дади.

Дала-бъ я имъ гороху,
Такъ ни маю ни троху;
Дала-бъ я имъ бобу,
Такъ ни маю ни дробу;
Дала-бъ я имъ оуса,
Такъ ни маю коуша.

(Шейнъ. Мат., 21-я).

Есть еще двѣ пѣсни, гдѣ куры представляются заботящимися о ребенкѣ, надѣляющими его различными подарками:

Люли, люли, люли, приляцѣли куры,
Сѣли на вороцяхъ у чирвоныхъ боцяхъ
Стали сыкотади, што дзицяди дади:
Ци бобу коробу, ци гороху троху,
Ци колопень чаропень, ци ячменю жменю,
Жоня вороного, быка полового,
Цялушку-рябушку дзицяди на юшку. (Шейнъ. Б. п., 29-я).

Люли, люли, люли!
Приляцѣли куры,
Сѣли на вороцѣхъ,
У чирвоныхъ боцѣхъ,
Стали сокотади:
Кому кашу дади?

— Малому дзицяди.
Ци горошку крошку,
Ци ячменьку жменьку,
Ци пухову пяривку,
Ци счастливу годинку.
(Шейнъ, ib. 30-я).

Въ первой изъ этихъ пѣсенъ дѣльность образа нарушается двумя послѣдними строками, гдѣ фантазія матери перешла мѣру. Итакъ, въ пѣсняхъ о курахъ описана наружность ихъ и также заботливость о дѣтяхъ.

г) Воробей привлекъ къ себѣ еще меньше вниманія: въ

имѣющихся у меня матерьялахъ я нашелъ лишь одну пѣсню, посвященную воробью:

Чи, чи, чи, варабей,
Ня влюй конопель!
Я тому вирабью
Коломъ ножу пирабью.
Вирабейка скачиць,

По ножицѣ плачиць.
Я на тую ножку
Куплю калошку,
Я на тое тѣльцо
Куплю полотенца. (Шейнъ. Б. п. 48-я)

Воробей—вообще птица нелюбимая народомъ: воробьи наносятъ вредъ въ садахъ и огородахъ, расклевываютъ зерна всюду, куда могутъ пробраться,—словомъ, постоянно надоѣдаютъ крестьянину. Потому и въ приведенной пѣснѣ мать относится съ нѣкоторой враждой къ воробью. Къ тому же у народа сохранилось преданіе неблагопріятное для воробья: „Живъ-живъ-живъ! Лають такъ горобцівъ. Ніби якъ мучили Христа на хресті, жиди подумали, що Вінъ вже вмеръ и покинули мучить; такъ горобець ніби прилетівъ и почавъ: „живъ-живъ-живъ“,—вони знову стали мучить. (Н о м и с ь, Укр. прик. и присл., стр. 200-я). Поэтому я думаю, что и съ теченіемъ времени пѣсенъ о воробѣ не особенно прибавится, межъ тѣмъ какъ о курахъ, а въ особенности о голубяхъ, ихъ можетъ быть собрано со временемъ значительное количество.

д) Козелъ и своею наружностью и смѣшными выходками потѣшаетъ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Оттого и въ хороводныхъ пѣсняхъ и въ дѣтскихъ играхъ (см. сборникъ Иванова) козелъ фигурируетъ очень часто. Мысль матери настолько свыклась съ этимъ образомъ, что даже быть можетъ, безсознательно насакиваетъ на него. Къ тому же козелъ—нерѣдкій гость и въ избѣ. Благодаря всему этому, и въ колыбельныхъ пѣсняхъ козелъ занялъ довольно видное мѣсто:

Быу у бабушки козелъ,
У Мосеевны козелъ.
Ёнь у стайнѣ стону,
Воду грѣтую пивау,
Муку сѣяну вѣдау,
Овесъ пареный,
Горохъ пражений.
Заходѣлося козлу,
Заходѣлось дураку
У чистомъ поли погуляць.
Сѣрыхъ зайковъ повидать

По ельничку, по березвичку.
Устрѣциу козелъ
Зайчика маленькаго,
Косолапенькаго:
— Здорово, козелъ!
Поборемся съ тобой,
Пиракинемся съ тобой
Я и тотъ коновау,
Што жеребчиковъ ковау
И платы не брау.—
Якъ узю козла за роги,

Якъ ударіу о дорогу,—
 У козла глазки глядзяць,
 Якъ свѣчки гораць.
 Якъ узяу козла за гриву,
 Якъ ударіу козла о ниву,—
 У козла глазки глядзяць.
 Якъ свѣчки гораць.
 Якъ узяу козла за хвостъ
 Якъ ударіу козла о мостъ,—
 У козла глазки... и пр.
 Мосей дрѣвцы рубая,
 У ё дзявцо видау,
 Пойшоу бабушкѣ сказау:
 — Ахъ ты, бабушка Мосеевна,
 Ахъ ты, бабушка Федосѣевна,
 Нашъ козелъ трехъ воуковъ убіу
 И у Пицерь доступіу.—
 Баба кинула правку подь лауку,

Вяратенцы подь кроваць,—
 Прибѣгаць къ нивѣ—
 Ляжить яго грива,
 Прибѣгаць на мостъ—
 Ляжить яго хвостъ,
 Прибѣгаць къ дорожки,—
 Ляжаць яго рожки.
 Собрала баба роги да ноги,
 Понясла попу поминать:
 — Ахъ ты батюшка попокъ
 Помяни мойго козла.—
 «Дура ты, баба,
 «Хто козла поминать?
 «Козла обухомъ забиваюць,
 «Шкуру дзяруць,
 «Чиравички шыць,
 «Куды надобна идучъ».

(Шейнт. Б. п., 66-я).

Пѣсня эта интересна во многихъ отношеніяхъ, но прежде чѣмъ говорить о ней, мнѣ кажется необходимымъ исправить ея промахъ: вмѣсто встрѣчи съ зайцемъ—читать встрѣчу съ волками, какъ это и стоить въ другомъ вариантѣ:

Сустрѣу козелька,
 Сустрѣу Мацѣйка
 Шасца воукоу,

А семей воучокъ
 Оборванъ бочокъ...

(Шейнт. Б. п., 67-я).

Вотъ этотъ „семый воучокъ“ и продѣлываетъ съ козломъ все то, что въ предыдущемъ вариантѣ продѣлалъ „зайчикъ маленький“. Этимъ послѣднимъ вариантомъ устраняется смѣшная гипербола, которую мы усматриваемъ въ первомъ вариантѣ.

Послѣ этого краткаго отступленія приступимъ къ содержанію пѣсни. Характера она довольно серьезнаго, такъ что въ колыбельныя пѣсни она попала изъ какого-нибудь другого разряда. Здѣсь разсказана судьба баловня-нѣженки въ лицѣ козла. Разбалованный и облѣнившійся козелъ начинаетъ пресыщаться окружающимъ его довольствомъ: онъ скучаетъ и ищетъ развлеченій. Онъ выходитъ за предѣлы знакомаго ему мірка, вступаетъ въ широкое поле жизни, и здѣсь впервые встрѣчается съ опасностью. Не будучи подготовленъ заранее къ борьбѣ съ препятствіями, невзгодами и опасностями, козелъ гибнетъ въ первой же борьбѣ. О гибели такого суще-

ства народъ и не жалѣть: въ нашей пѣснѣ Мосей передаетъ въ шутиливой формѣ о смерти козла, какъ объ интересномъ „дивцѣ“. Лишь бабушка Мосеевна, жалѣть о своемъ любимцѣ, да и это сожалѣніе описано слишкомъ ужъ въ юмористическомъ тонѣ. Того же содержанія и пѣсня, приводимая Шейномъ въ Мат. с.-з. кр., стр. 33—4.

Нѣсколько новыхъ чертъ мы находимъ въ великорусскихъ пѣсняхъ:

Какъ у бабушки козелъ,
У старой бабы сѣдой.
Тиру-ка, ну-ка, тили-ли
Тилдлюшеньки мои.
Онъ на шесточкѣ лежалъ,
Судомоничку лизалъ.
Отпросился козелокъ,
Отпросился сѣдой
На часокъ во лѣсокъ:
— Ахъ ты, бабушка,
Ты Варварушка,
Отпусти-ка ты козла!
Я поймаю тебѣ
Волка сѣренькаго,
Лису желтенькую,
А волчицу на капоть,
А лисицу на салопъ.

Какъ на встрѣчу козлу
Идетъ семь волковъ,
Осьмой-отъ волкъ
Подопрѣлый бокъ:
Онъ семь лѣтъ говѣлъ,
Все козлятинки хотѣлъ.
Испугался козелъ,
Испугался сѣдой;
Онъ бородакою трясеть,
Точно вѣничкомъ,
Онъ ножками стучить,
Словно ступочками....
— Ахъ ты, бабушка,
Ты Варварушка,
Отвори-ка ворота,
Принимай-ка козла.

(Шейнъ. Р. п., 73-я).

По простотѣ сюжета и изложенію эта пѣсня наиболѣе близка къ колыбельнымъ. Въ этой пѣснѣ слегка затронутъ вопросъ о похвалѣбѣ, на которомъ построена почти цѣликомъ слѣдующая пѣсня:

Пошелъ козелъ дорогою,
Пошелъ дуракъ широкою,
Поплясываетъ,

Поскакиваетъ,—
Веселѣхонекъ дуракъ.

(Шейнъ. Р. п., 74 я).

Съ такимъ торжествомъ вышелъ козелъ изъ-подъ своего мирнаго крова: онъ хвастливъ и веселъ, пока не встрѣчался еще хотя съ тѣнью опасности; но вотъ навстрѣчу козлу попадается „зайныка“. Испугался козелъ, но все же, не видя лучшаго исхода, пошелъ навстрѣчу „страшному звѣрю“, который и рекомендуетъ себя:

А я заюшка, а я сѣренькій,
По городамъ я хожу,
Я капустку стерегу,

А на пору хозяину
Росаду полю....
(Ibid.).

Приободрился нѣсколько козелъ и пошелъ дальше; встрѣчаетъ лисицу, которая и рекомендуется:

А я лисанька,	Я курей стерегу,
Я желтенькая,	А на пору хозяину
Я по «коникамъ» хожу ¹⁾ ,	Цыплятъ загоню.... (ib).

Эти характеристики невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе, поражая своею краткостью и въ то же время законченностью образа.

Встрѣча съ зайцемъ и лисицею прошла для козла благополучно: повидимому, похвальба прошла для него безнаказанно. Но по народной пословицѣ—„похвальное слово, всегда гнило“ ²⁾. Не прошла безслѣдно и похвальба козла: встрѣчается онъ съ волками, и эта встрѣча была уже роковою:

Ухватилъ волкъ козла	Туда-сюда голова,
Поперекъ живота,	Подъ колоду рога,
Разорвалъ волкъ козла,	Его ноженъи
Да на часточки:	По дороженьи. (Шейнъ. Р. п., 74-я).

Народное чувство справедливости здѣсь удовлетворено; хвастунъ наказанъ примѣрнымъ образомъ.

Собственно говоря, сюда относятся и многія игорныя пѣсни, приводимыя г. Ивановымъ въ его сборникѣ, такъ какъ и вышеприведенныя пѣсни, по всей вѣроятности, первоначально имѣли связь съ народными играми. Правда, большая часть пѣсенъ, приводимыхъ г. Ивановымъ, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ игрою, но есть и самостоятельныя. Я ограничусь лишь одной пѣсенкой, какъ наиболѣе близкой къ колыбельнымъ; ее распѣваютъ маленькія дѣти, „вода козла“.

Вскочивъ козелъ, въ огородъ, въ огородъ
 Тай пойивъ козелъ лукъ-чеснокъ (bis).
 Та пѣмали козла за рижокъ (bis),
 Та повели козла на торжокъ (bis),
 Та продали козла за пять кипъ (bis).
 За первую копу—биыла (bis),
 За другу копу—красыла (bis),
 За третью копу—чорныла (bis),
 Билого козла хвалыла, хвалыла.

(Иван., Игры, стр. 81-я).

¹⁾ «Коники», по объясненію Шейна, — особые рундуки въ избѣ, идущіе понадъ стѣнами, гдѣ обыкновенно несутся куры.

²⁾ «Хвала—молодцу пагуба» — «Хвала—первая порча». (Даль, стр. 814).

Конечно, пѣсня эта приспособлена къ игрѣ, на что указываютъ и повторенія конечныхъ словъ. Нѣкоторыя мѣста ея темны; интересна она для характеристики современнаго состоянія дѣтскихъ пѣсенъ.

Съ этимъ крохотнымъ, хотя и не лишеннымъ своеобразной прелести міркомъ ребенокъ могъ познакомиться и не выходя изъ избы. Когда же мать побываетъ съ ребенкомъ и во дворѣ и на нивѣ, объекты наблюденій ребенка расширяются, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется и репертуаръ колыбельныхъ пѣсенъ, знакомящихъ ребенка съ окружающей природою.

е) Бычокъ. О немъ вспоминаетъ мать въ пѣснѣ, повидимому, лишь передъ разлукой съ нимъ, вызванной, быть можетъ, крайней нуждой, такъ какъ простолюдинъ очень неохотно разстается съ своимъ хозяйствомъ:

Ай бысѣка мой, бысинька,	Купимъ мы пенечки пудокъ,
Золотая твоя лысинка!	Соуемъ мы веровушку,
А у бычка ня бычины станъ,	Крупеньку, позаладисеньку,
А у голуба голубины колтанъ.	Возьмемъ мы быка за рога,
А ты, Хвенья, Хвеньюшка,	Повядземъ мы быка на торго.
Стародавняя купеческа жана.	Стали бысиньку пощупывади,
Пойдемъ мы, Хвенья, на торжокъ,	Стали денежки поступывади.

(Шейнъ. Б. п., 68 я).

Непонятными въ этой пѣснѣ остаются 2-я и 3-я строка, какъ видно, попавшія сюда случайно.

ж) Кукушка:

Кукушка, кукушка!	Цѣтка Арпина
Стрижень табѣ нп судзя,	Короу доила,
Судзя табѣ Владыкл.	Похала у снопы
Владыкины дѣтци	На высокой лошади,
Хочуцъ полятѣци	Увидала зайца,
На синяя мора.	Кородиньки ножи,
На синимъ мори	Красныя сапожки.
Церява Мяголы,	

(Шейнъ. Б. п., 51-я).

Это прямо какой-то винегретъ изъ всевозможныхъ пѣсенъ, разобраться въ которомъ довольно трудно. Можно лишь предполагать, что нѣкогда о кукушкѣ существовала особая пѣсня и отъ нея сохранился лишь запѣвъ, который мы и находимъ въ нашей пѣснѣ.

з) Дроздъ (Шпанъ). Мы находимъ одну пѣсенку, начинающуюся съ описанія наружности дрозда, а въ другой сохранилось лишь обращеніе къ дрозду:

Ой летивъ шпакъ
Черезъ макъ,
Тай сивъ на воротахъ
Въ червонныхъ чоботяхъ;
Треба зъ ёго чоботы зняти
Та (Платончикова) даты,
Щобъ пишовъ винъ гуляты,
Калыну ломаты,
На дорожку складаты,
А зъ дорожки на возокъ
А зъ возка на торжокъ. (Х. Сб. 11-я).

Скокъ, поскіть,
Молодой дроздокъ,
По водичку пошолъ,
Молодичку нашелъ.
Молодиченька
Невеличенька:
Сама съ вершокъ
Голова съ горшокъ
Шу! вы полетѣли
На головушку сѣли.
(Шейнъ. Р. п., 20 л.).

Послѣдняя собственно игорная пѣсенка.

и) Сорока (Сивка-воронка). Пѣсенъ съ такимъ обращеніемъ довольно много:

Чи, чи, сорока!
Гдѣзъ была? — «Далека,
Была у папа на току,
Видѣла тамъ толоку.
Пани сына родзила,
На коника садзила.

Коникъ вороненькій,
А самъ молоденькій, —
Повѣхали у Пидеръ.
Жалѣзны шинцы,
Шелковы поводы,
Дубовы покаты».

(Шейнъ. Б. п., 45-я; ср. ib. 49-я).

Сорока является въ глазахъ народа символомъ болтуньи и сплетницы: этимъ, быть можетъ, и объясняется такая разнообразность содержанія приведенной уже пѣсни и многихъ другихъ этого мотива:

Чи, чи, сорока!
Поляцѣла далѣка,
Сѣла — пала на току,
У чирвонымъ колпаку.
Панъ кажиць: засяку!
Пани кажиць: ни сячи!
Будзиць сидѣць на пичи,
Малыхъ дзяцей бирагчи.
Чому учора не была?
— Боялася чигуна *).
Чигуновы дзѣци
Хочуць уляцѣци
На Иवानушки клѣци,
А Иванъ пищиць.
А воукъ на дорозѣ,
Мядзвѣдзѣ на колодзѣ,
А дроздъ на рабицѣ,
Рабинку лущиць.

«Ты, калиноуна,
А подай сапоги!»
— А мнѣ неколи:
А я мость мощу,
Сярабромъ трошу. —
Дроздъ на рабинѣ,
Сова на болодѣ,
А мядзвѣдзѣ на рабоцѣ.
А у лясѣ дуга
Ды ня высѣчена,
А стаць да сѣкаць,
Дакъ дзень поцераць.
За той же дзень
Трое ласци усплесць:
А сабѣ и жанѣ,
И тому выблядку
Што подъ печью сидзиць.
(Ш. Б. п., 46-я).

*) Ср. Шейнъ. Р. п., 52 и 54.

Умышленно ли—съ цѣлью охарактеризовать болтливость сороки, или просто безсознательно, подъ вліяніемъ времени, здѣсь смѣшалась пѣлая масса различныхъ обломковъ, и пѣсня получила характеръ того, что по-малорусски называется „нисенитницею“.

Къ этому мотиву относится большое количество пѣсенъ, сопровождающихъ игры, напр., пѣсня бѣлор. у Шейна (55).

Послѣднія пѣсни, начиная съ пѣсенъ о кукушкѣ, представляютъ собою переходную ступень къ такимъ, въ которыхъ имена животныхъ и птицъ служатъ лишь покровомъ для совсѣмъ иного содержанія, и гдѣ пѣсня превращается въ басню. Я приведу изъ этихъ послѣднихъ одну, хотя онѣ собственно мало имѣютъ отношенія къ колыбельнымъ; онѣ интересны для характеристики крестьянскаго быта:

Сядиць мядзвѣздъ на колоди,	Три канлоны
Чапець вышиваецъ,	Жита выносили.
А лисица, стара псица,	Козель мѣсць,
Зъ куста выглядаецъ,	Коза подсыпайць,
А сорочка бѣлобочки	А малыя козлятка
Пошли тапцоваць,	У мѣрку збираюць.
А вороны, стары жоны,	Муха мѣсць,
Пойшли жита жани;	Комаръ воду носиць,
Три кукушкі	А малыя комарата
Жита молодили,	У нихъ цѣта просюць.

(Шейнъ. Б. п. 15-я. Ср его-же Мат. стр. 33-я).

Я думаю, что нѣкогда существовали, а можетъ быть и теперь существуютъ, но не записаны, отдѣльныя пѣсни о каждомъ изъ упомянутыхъ здѣсь живыхъ существъ. Впослѣдствіи мать, запѣвая какую-нибудь изъ этихъ пѣсенъ съ цѣлью описать какое-либо животное, въ силу различныхъ ассоціацій перескакивала къ другой, не кончивъ одной. Такъ изъ первоначально-описательныхъ пѣсенъ составлялись сложныя пѣсни въ родѣ вышеприведенной.

Мы оставимъ въ сторонѣ эти „выродки“ изъ колыбельныхъ пѣсенъ, посвященныхъ описанію живыхъ существъ, близкихъ и хорошо знакомыхъ ребенку, и перейдемъ къ пѣснямъ, воспѣвающимъ другіе предметы небольшого дѣтскаго мірка.

2. Неодушевленные и отвлеченные предметы.

Колыбель—это домъ ребенка. Обстановка дѣтства для человека обыкновенно на всю жизнь остается самой пріятной, идеальной. Многое способствуетъ образованію такого взгляда. Одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду этихъ обстоятельствъ занимаютъ пѣсни, описывающія колыбель: въ нихъ и невзрачное жилище крестьянина выглядываетъ привѣтливо и красиво: вся скудная обстановка представляется въ розовомъ свѣтѣ:

Люли, люлечки!	Да все въ радости.
Шовковіи вервечки,	А якъ будешъ двеликій,
Колисочка повенька,	Будешъ въ золоті ходитъ
Дитиночка маленька.	И нянечокъ и мамочокъ
Спи да рости,	Будешъ жлудувати. (Чуб. 14-я А.).

Это только начало пѣсни, какъ мнѣ кажется; другіе варианты ея, приводимые Чубинскимъ, не что иное, какъ продолженіе этой пѣсни:

(Колыска) малевани бильця,	А щобъ росло, не боліло,
Колихала мати чорнобривця,	На головку не марніло,
Ой щобъ спало, не плакало,	На голову, на все тіло (id. Б.).
Золотіи вервечки,	Малеваяя колисочка,
Срібні колокольця,	Засни, мала дитиночка!

(Іб. вар. В. Ср. X. Сб. 13-я).

Описаніе колыбели разорвано по частямъ въ приведенныхъ вариантахъ, но возстановить его возможно. Прежде всего колыбель должна быть „малёвана“—это потребность врожденного у малоросса художественного чутья. Малороссіянка расписываетъ свою избу и снаружи и внутри разноцвѣтной глиной, сажей и синькой; „скрыня“ у нея тоже всегда „малеваная“. Разрисованная колыбель виситъ на шелковыхъ или серебряныхъ „вервечкахъ“, а къ нимъ для забавы ребенка привѣшены „срібни колокольця“. Назначеніе этихъ колоколецъ въ нашей пѣснѣ не выяснено, но въ Персіи, по словамъ Жуковского, мать сопровождаетъ свое пѣніе мѣрными ударами прута о края колыбели или же звономъ колоколецъ и разноцвѣтныхъ раковинъ. По всей вѣроятности, и въ Россіи были нѣкогда колыбели со звонками, на которыхъ мать и аккомпанировала своему пѣнію. По крайней мѣрѣ въ колыбельныхъ пѣсняхъ есть указанія, что у насъ нѣкогда славились привозныя колыбели:

Шовковіі вервечки,
Колисочка швабсьва.

(Чуб. 25-я, вар. А.).

Колисочка даньська
Дитиночка паньська.

(Чуб. 29-я).

Эпитетъ „даньська“ Ал. Ае. Потѣбня справедливо объясняетъ какъ „данцигская“. Очевидно, изъ Данцига шли на Русь лучшія колыбели. Подобныхъ интересныхъ эпитетовъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ встрѣчается довольно много: щевці-перяславці, коботи черкаськіі и т. п.

Такова малорусская идеальная колыбель, и, мнѣ кажется, нельзя отказать матери въ творческой способности. Не меньше позаботилась объ украшеніи колыбели и персіянка:

Колыбель его, что (твой) жемчугъ:

Поясокъ его, что твое золото. (Жук., п. 19-я).

Ну-же, сынокъ мой, люлька твоя изъ орѣховаго дерева.

Тирекъ *) у ней изъ черешневаго дерева съ берега рѣки.

Ну-же, сынокъ мой, люлька твоя изъ дерева шпари.

Тирекъ у ней изъ яблоневаго дерева, яблони хунсарской.

Ну-же, сынокъ мой, твои ручныя повязки золотныя

Раковины положу я на твои ручныя повязки, колокольчики (навѣшу)
на твою люльку...

Твоя люлька и тирекъ работа Белоля. (Жук., п. 21-я).

Не пожалѣла красокъ персіянка, описывая жилище дорогого ея сердцу малютки. Мнѣ кажется, что эти два описанія, изъ чего сдѣлана колыбель, поставленныя рядомъ, вовсе не неумѣстны: они прекрасно передаютъ настроеніе матери, которая не находитъ даже словъ для выраженія своей любви къ дитяти.

Гораздо проще колыбель, описанная въ польской пѣснѣ. Здѣсь у колыбели нѣтъ никакихъ украшеній: она просто „kolebka lipowa“.

Oj kołys ze sie, kołys
Da od ściany do ściany,
Oj usnij ze mi, usnij,
Moj kwiatecku rozany.
O kołysałam we dnie,
O kołysałam w nocy,

A nigdy się nie wyśpią
Da twoje carne ocy.
Oj kołys ze się, kołys,
Da kolebko lipowa,
Da niech cię, moj Jasienku,
O Pan Jezus uchowa.

(Wisła, стр. 51-я).

Прекрасный образъ малютки, почивающаго въ такой славной колыбели, даетъ намъ слѣдующая пѣсенка:

*) Прим. Жук. Тирекъ—это палка поперекъ колыбели, къ которой привязываютъ ребенка, чтобы онъ не выпалъ.

Ой спи, дѣтя, въ колысонцѣ,	Тай горошкомъ колысати.
Якъ горошокъ въ былинонцѣ!	Якъ горошекъ затыркоче,
Буде вѣтеръ повѣвати,	Тогда Галя спати схоче.

(Голов. III, 7-я. Ср. Чуб. 15-я, вар. В.).

Я опускаю 7-ю и 14-ю пѣсни сборника Головацкаго и нѣкоторыя другія въ виду ихъ безцвѣтности. Остановлюсь еще лишь на одной:

Ой колышися, колысонька новая,	Чи ми тя Богъ давъ, чи доленька лихая.
Няй ми ся выпитъ дѣтинойка малая.	Ой якъ ми Богъ давъ, буду тя годувати,
Ой колышь же ся, дѣтинойко любая,	А якъ лиха доля, буду проклинати.

(Голов. III, 5-я).

Мнѣ кажется, что здѣсь отразилось одно изъ распространенныхъ вѣрованій народныхъ: будто завистливый злой духъ можетъ вскорѣ послѣ рожденія подмѣнить новорожденного другимъ ребенкомъ. И вотъ изъ этихъ подмѣненныхъ дѣтей и вырастаютъ различные чудища народной мифологіи.

Итакъ, во всѣхъ пѣсняхъ о колыбели видно страстное желаніе матери какъ можно лучше обставить занимающуюся зарю жизни. Нѣжною любовью и заботливостью дышетъ каждая строчка въ этихъ пѣсняхъ.

Не менѣе задушевные и къ тому же болѣе содержательны пѣсни, гдѣ говорится о снѣ.

Сонъ. Съ особеннымъ вниманіемъ и любовью останавливается мать въ своихъ пѣсняхъ на снѣ, который и для ребенка полезенъ и для матери пріятенъ, такъ какъ она можетъ предаться сладкимъ мечтамъ о судьбѣ уснувшего малютки или заняться работой.

По распространенному въ народной поэзіи приему, здѣсь особенно умѣстному, сонъ представляется въ пѣсняхъ живымъ существомъ:

Ой ходитъ сонъ по улонцѣ	И дитини колихати».
Въ билесенькій кошулонцѣ;	—А въ насъ хата тепленька
Слоняется, тыняется,	И дитина маленька:
Господеньки питается:	Ходи до насъ ночовати
«А де хата теплесенька,	И дитини колпхати!
И дитина малесенька,	Ходи, сонку, въ колысочку,
Туда піду ночовати	Приспи нашу дитиночку. (Чуб. 16 А)

Это художественно нарисованный образъ: сонъ представленъ усталымъ путникомъ, ищущимъ себѣ покоя и мѣста для отдыха, и при томъ не во всякой избѣ, а лишь тамъ,

гдѣ „дитина малесенька“. Это, очевидно, другъ и покровитель дѣтей: присущими ему чарами онъ убаюкиваетъ дитя. Конечно, мать рада столь дорогому гостю и радушно открываетъ двери своего дома этому страннику.

Дальнѣйшее развитіе начертаннаго здѣсь образа представляетъ слѣдующая пѣсня:

Ходить сонъ коло віконъ,
А дремота коло плота,
Питається дремоти:

А де будемъ ночовати? и т. д., какъ
пред. вар.
(Чуб. 16-я вар. Б.).

Народная мысль на раннихъ ступеняхъ развитія представляетъ предметы видимаго міра и отвлеченныя понятія въ видѣ живыхъ, человѣкообразныхъ существъ. Если два понятія родственны между собою и различны по грамматическому роду, народъ обыкновенно представляетъ ихъ въ видѣ супружеской четы: въ народномъ представленіи грамматическій родъ тѣсно связанъ съ поломъ. Оттого средній родъ въ языкѣ всѣхъ народовъ является очень поздно, нѣкоторые же языки его и совсѣмъ не знаютъ. Въ растительномъ царствѣ эти парованія и семейныя отношенія весьма обычны: вспомнимъ, напр., извѣстную малор. пѣсню о „гарбузѣ“. Такое же парованіе „сна“ и „дремы“ можно усматривать и въ нашей пѣснѣ, тѣмъ болѣе, что она не единственная въ своемъ родѣ:

Ой ходить сонъ коло воротъ,
А дремота коло плота.
Качається, валяється,
Сонъ дремоти питається:
—«Де будемо ночовати

Де поїдемо ночку спати?»
—«Де хатонька тепленькая,
Де дѣтина маленькая».
—Въ насъ хатонька тепленькая,
Въ насъ дѣтина маленькая.

(Голов. II 1-я; ср. III 3-я).

Мать какъ-бы подслушиваетъ дружескій разговоръ супруговъ и любезно предлагаетъ имъ въ распоряженіе свою „хатоньку“. Вотъ еще нѣсколько пѣсень того же характера:

Сонъ и дрема по новымъ сѣвямъ брела
Да и къ намъ забрела.
Гдѣ Машина колыбель?
—На высобомъ теремѣ
Въ мытомъ-братомъ положѣ,
Кольды-пробойды серебряны.
(Шейнъ. Р., п., 4-я).

Гуркота, гуркота!
А Митенькѣ дремота!
Сонъ да дрема
Вдоль по улицѣ прошла,
Къ мому Митюшенькѣ зашла
Подоь головушки спать легла...
(Шейнъ. Р., п., 7-я).

Въ приведенныхъ пѣсняхъ я опустилъ концы, такъ какъ они никакого отношенія ко сну не имѣютъ и безъ сомнѣнія взяты изъ другихъ пѣсенъ. Въ нижеслѣдующей пѣснѣ образъ сна достигъ высшаго развитія:

Ходить Сонко по улицѣ,	Буде тобѣ добре у насъ:
Носить спанье въ рукавицѣ,	Въ насъ халупа тепленькая,
Чудли дѣти пробуждае,	А Ганнуса маленькая.
А Ганнусю присипляе.	—Люляй же ми, Гадю, люляй
«Вступи-же ти, Сонко, до насъ!	До купойки очки студай!

(Голов. III 1-я).

Сонъ представленъ вполне человѣкообразно: отъ него даже отдѣлено его существенное качество—„спанье“, которое въ пѣснѣ представленно чѣмъ-то въ родѣ снадобья, носимаго сномъ въ рукавицѣ.

Опускаю нѣсколько мелкихъ и мало интересныхъ пѣсенъ, такъ какъ образъ сна и въ приведенныхъ уже пѣсняхъ выступаетъ довольно рельефно.

Сонъ—лучшая нянька и лучшій помощникъ матери; отъ того всѣ симпатіи послѣдней на сторонѣ сна: для описанія его мать не пожалѣла лучшихъ красокъ.

Этимъ и заканчивается отдѣлъ пѣсенъ, всецѣло посвященныхъ ребенку. Задача матери состоитъ здѣсь въ ознакомленіи новаго гостя міра съ окружающей его обстановкой. И эта задача выполнена недурно: мать, переходя постепенно отъ простаго къ сложному, отъ близкаго къ отдаленному, разъясняетъ и укладываетъ въ дѣтской головкѣ элементарнѣйшія познанія.

А. Ветуховъ.

(Продолженіе будетъ).